

Андрей Белый

ВОСПОМИНАНИЯ
О ШТЕЙНЕРЕ

МЕМУАРЫ

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Воспоминания о Штейнере / А. Белый. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 368 с.

Андрей Белый (1880–1934) — известный писатель Серебряного века, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Воспоминания о Штейнере» — удивительная книга, в которой излагаются основные положения антропософии немецкого философа-мистика. Объёмный анализ личности Рудольфа Штейнера как известного деятеля, глубокого человека, мудрого лектора и педагога будет интересен широкому кругу читателей.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	5
Глава 1. Рудольф Штейнер, Как деятель.....	15
Глава 2. Рудольф Штейнер, как человек.....	51
Глава 3. Рудольф Штейнер, как лектор и педагог ...	108
Глава 4. Ученики Рудольфа Штейнера	167
Глава 5. Рудольф Штейнер и Дорнах.....	228
Глава 6. Рудольф Штейнер в теме Христос.....	312
Вместо послесловия	363

ВСТУПЛЕНИЕ

1

В этих воспоминаниях я пишу о докторе Рудольфе Штейнере только как о человеке; не об индивидууме, а о личности; я изучал материал его текстов; и я знаю: касание к ним есть огромнейший труд, долженствующий внятно раскрыть его методологию, его теорию знания; в них с беспримерной логически неопровержимой смелостью дана нам база огромной системы; но труд — лишь введение к трудам, посвященным его философии культуры, теории сознания, психологии, эстетике, философии истории и философии религии; в распоряжении моем нет спокойных годов (нет свободных часов!); философские мысли его дали некогда импульс мне и наложили печать на все творчество, двигая им четырнадцать лет; и тем не менее: я отдаюся не им.

И хотя я не знаю еще СОЧИНЕНЬЯ, в котором бы отразился весь абрис его многогранных воззрений, однако не нам, современникам, выпала участь теоретически их отразить; пусть же очерк его философии зреет в годах; этот факт не смущает; теперь еще ученики его, или философы, холодно, со стороны глядящие на систему его воззрений, дать еще и не могут подлинного отражения воззрений; библиотека книг, посвященных Рудольфу Штейнеру, будет расти. И пока есть надежда, что весь материал текстов дан (может быть, библиотеки в скором будущем и погибнут) — пока есть надежда на текст, — будем ждать: через десять, или через сто лет, — таки найдут понимание и отражение картины воззрений его.

Вот что не отразится, — так это личность, если она не будет сохранена в воспоминаниях тех сотен и тысяч лиц, которые остались ему обязаны; если они не закрепят своих воспоминаний о нем как бы им ни казались бессмысленными все усилия их отразить искрой огненный сверж этой личности, весь материал для живого восстания силуэта Рудольфа Штейнера для будущего пропадет. Вот что было бы преступлением перед человечеством, перед всеми теми, которые сами придут к нему в будущем. Долг его видевших хоть что — либо закрепить из того, что когда — то в их душах родило волнения преданности, удивления, любви.

ТОЛЬКО уважение и ТОЛЬКО благоговение будет подсказывать лукавые мысли: «Где мне отразить в воспоминании все то, чем нас волновал доктор?» Но ЛЮБОВЬ переступит через такое «ТОЛЬКО»; иным отразится она: «Более чем кто — либо знаю: не мне закрепить этот лик, точно сотканный светом, игрой лучей; его отразить на бумажном листе — дать пустой вовсе лист; и наверное знаю: десятки исписанных мною листов суть пустые листы; в них чернила невидимы; закрепление «ВОСПОМИНАНИЙ» — лишь град восклицательных знаков, эпитетов выпретенных. Может быть, в сотой странице останутся все же намеки на жест этой личности; ими оправданы груды сырых и пустых материалов, всех записей (всех нас!); из них наберется десяток, — другой полноценных страниц; история их отберет; сквозь дымку возникнет живой его лик».

Не удивление, нет, не обязанность и не согласие с «мировоззрением», меня подвигает к сырью материалов моих, а — любовь. ЛИШЬ ЛЮБОВЬ.

До сих пор, вспоминая года, проведенные около доктора Штейнера, вздрагиваю; и в душе — угловатый, смешной жест горячей любви, а не сентиментальности, требующей «совершенств»; любовь мучит, волнует, живет, исторгает подчас восклицания горечи, непонимания! Спрашиваю я себя: с чем сравнить это чувство? Сравнение одно: так же я люблю мою Родину; эта любовь исторгала когда — то во мне слова горькие, когда судеб моей родины не понимал я. Тогда я писал:

«Туда, где смертей и болезней Лихая прошла колея, — Исчезни в пространства, исчезни Россия, Россия моя!»

Тем не менее через 10 лет я писал о России:

«Люблю, люблю, люблю!»¹

Чувство родины все же не имеет в себе человеческого объекта; в сыновней любви к доктору Штейнеру изживаю я конкретную любовь: от человека к человеку; и мне стыдно стыдиться естественных чувств и застегивать пуговицы сюртука своего; мало чем могу я гордиться: ряды окаяньств моих вижу я с трезвостью; но в любви к родине и в любви к доктору Штейнеру может быть и все оправданье мое.

¹ Белый: Стихи о России. «Россия» (1908) Стихи о России. «России» (1918).

Так что легко отдаюся долгу моему: ИЗ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ, в этих понятиях, едва сочетаемых, путь к осознанию которых — мучительность теорий, дан выход наш к цели культуры; загадка в нас десятая иерархия: ЛЮБВИ И СВОБОДЫ!

Что такое свобода, — мы смутно чувствуем; но утвердить это чувство даже на час не умеем; любовь вовсе смутно несем: но идем в воплощениях к осознанию смутного чувства.

Лишь встретившись с личностью доктора Штейнера, тридцатилетний, я понял, что я не ведал свободы, не ведал любви, ни тем более, их сочетания; а я писал о любви; и писал о свободе; писатели, мы, — ни любви, ни свободы не знаем там именно, где проявление слов выражает себя в жизни личности; а переживания «ЯСНО» холодных голов и пылающих чадно сердец, — ни любовь, ни свобода; любовь в свободе, свобода в любви — пыл ума, уже погруженного в сердце.

Встреча со Штейнером была мне впервые встречей со СВЕТОМ ТЕПЛА, давшим пусть только миги узнаний; те миги, — основа пути «Я» в извечном. И коли я погас, то хоть был переполнен теплом, ощутив низлетание ясности зрения: в сердце; а коли БЫЛ, значит БУДУ: раз вспыхнувшее — не угасает.

И потому я, окидывая свое прошлое, в нем вижу будущее; и с решительной простотой убираю всякую гнєратикү только «УМА», или «СЕРДЦА».

Я знаю: не отразить «лика» личности; мои 300—400 страниц — для того, чтобы история извлекла из них несколько строк; но я не знаю я, что извлекаемо; и ваю без разбора все, что вспоминаю; то — краски на палитру: будущему «ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТИСТУ»; то — капля среди капель; уверен: ваю я «СЫРЬЕ» вместе с сотнями воспоминаний, написанных сотнями из многих тысячєй, живо общавшихся с Штейнером: систематическое посещение его лекций 5 есть это общение; стало быть, каждый из слушателей загружен материалом; материал этот пишется, или написан, иль — будет написан.

Не мыслю, что этого материала не будет; что ложное самолюбие, ложное уважение, иль ложное самоковыряньє лишат человечество материала воспоминаний к отбору истории нужных страниц; потому что: все знавшие Рудольфа Штейнера, долг свои исполнить — обязаны!

Это я знаю головой.

Сердце подсказывает и иное: поставить перед собой его образ; и вновь пережить его: «ПЫАКО»; для тех, кто вступал с ним в общение, все есть предмет закрепления без выбора и без оценки; ведь личность Рудольфа Штейнера была такова, что просто не разберешься, где больше всего отразилось в мелочи сверкание непередаваемых его жестов: с кафедры, в интимной беседе, или в пыльном сарае среди ящиков и стружек строящегося «ГЕТЕАНУМА», в шутке, или в изречении.

Чувствую косолапый зуд: забыв о «ПАРАДНЫХ» словах, пиетете, несостоятельности, поскорее схватиться за черновик; в эскизных альбомах художников вяланы прямо, без всякой системы: здесь дерево, пересекающее кое — как схваченный профиль, глаза, нос, иль очерк безликий, и т.д.; эмбрионы линий, портретов, орнаментов; после художник уже выбирает, что нужно ему.

Ландшафты воспоминаний моих переполнены: и одной трети я не берусь охватить: то, это; и важное, неотразимое, и мелочи; но я заранее говорю: мелочи заранее передать всего легче.

Так я пишу: это только эскизный альбом; и пишу из свободы (охота здесь пуще неволи); пишу из любви, как опишется: вовсе бесчинно, бесстыдно; картина ж восстанет в отборе лишь сотен воспоминаний, меня поправляющих и дополняющих. Мне же напаяли на материал выставочную и смешно, и нелепо.

Вот что разрешает меня в непредвзятость; системы в записях моих быть не может; «СИСТЕМАТИЗИРОВАТЬ» личность Штейнера — где мне! И коли в сырых материалах есть главы с заглавиями, так потому это, что сами главы — разделы: для пауз; не высыпаемы без разделов потоки страниц. Все заглавия совершенно случайны; не могут служить они гранями тысячгранного. Каталогизировать Штейнера в «ПРОЯВЛЕНИЯХ» — значит дать сотни глав; эти грани составятся из сотен воспоминаний сотен людей, а вовсе не из моих.

Главные моменты воспоминаний — НЕЗАПИСУЕМЫ; тут любовь, и знание, что все о нем должно быть сказано, уже отступают: ДОКТОР ШТЕЙНЕР НАЧИНАЛ ГОВОРИТЬ В СЕРДЦАХ ТОГДА ИМЕННО, КОГДА УЖЕ ВСЕ СЛОВА БЫВАЛИ ИСЧЕРПАНЫ.

2

Миг первой встречи с Рудольфом Штейнером поднял в душе моей уже тему воспоминаний, встречаясь с мигом воспоминаний; когда ушел в Вечность он, я, вспоминая его, понял, что первый миг встречи сказался во всем, что мелькнуло в годах.

Идеология, — к ней уже шел я неверными очень шагами; в страну его мыслей; до встречи с ним; позднее лишь вычертилась проверка, критическое осознание идейных согласий своих. Идеология сказывалась и после, и ДО первой встречи; не ею определялась воля моя; весь размах его деятельности и все бывшее в последующих годах — сквозь все это для меня вырастал он; усугублялись смыслы его указаний.

В миг первой встречи все то, что раскрылось в годах, — еще немота; слова потерялись; и не было вовсе риторики чувств; то, что я пережил, было волей моей; из свободы совершить некий акт; он совершился стремительно, но как — то мягко, без всякого катастрофизма; катастрофизм был и после и ДО; «ДО» я жил в перманентной катастрофе — от осознания выветренности и идей, и словес, составляющих быт нашей жизни в России. — «Не то», — говорил я себе, углубляясь в весьма интересные книги, общаясь с весьма интересными личностями; я не мог до конца сказать «ДА» никакому течению из силившихся себя строить конкретно; я ждал годы томительно до осознания пути своего; и конкретно своей мысли не мог провести в свою волю; и воля, цветок не раскрывшийся, молча росы ждала, чтобы раскрыться; меня упрекали в безволии там, где из частичных согласий с идеями делалось заключение и о совместном пути; так что «БЕЗВОЛЬЕ» мое было волею к трезвому, вполне СВОБОДНОМУ выбору; вдруг, как бы основа самой моей воли, раскрылась во мне от сознания, мгновенного, как от сияющей солнечной теплотой капли росы, павшей в душу мою; из ума моего от всей трезвости, выстоянной в годах жизни.

Потом стало ясно, что воля — введение сознания в слепое начало, которое в ощущениях извне считаем за волю в себе.

Этот акт сознания прозвучал в слове, в коротком: «ТО», «ДА». Инстинктивно же произносимое мною в годах «Нет — не то» (Соловьеву, Бердяеву, Блоку, Э. Метнеру, Канту и Риккерт, и «ОККУЛЬТИЗМУ», и механизации, общественности, теологии, иль «теософии» и т.д.) —

было формой борьбы моей воли за путь, за свободу, сжимаемую здесь формальными императивами «ДОЛГА» (одной головой), здесь влечением «ЧУВСТВА» слепого. Но деятельность из «ВЛЕЧЕНИЯ», или из убеждения абстрактного, уж исчерпалась во мне; и над нею стояло: «НЕ ТО».

В годах ждал я своей резолюции: «ДА».

О том чаемом «ДА» я писал за три года до встречи со Штейнером: «Все, чего добиваемся мы в творчестве, само по себе не имеет ни смысла, ни ценности. Обыденная наша жизнь? Но ее распыляет наука. Пылинки жизни? Но они игра нашего познания. Познание? Но оно — в долге. Долг? Но долг в творчестве. Творческая форма? Но ее ценность в процессе созидания. Созидание форм? Но оно в превращении себя в... подобие богов. Боги? Но они — эмблемы иного. Тут слетают с нас все снившиеся нам сны: бытие, наука, познание, искусство, религия, этика, теософия, ... мы ... в абсолютной пустыне ... и по мере нашего погружения безмолвие посылает нам голос: «Это — я»... В нашей воле сказать: «Нет ничего». Но мы — не слепые: мы слышим музыку солнца, стоящего ныне посередине ... души, видим его отражение в зеркале души небосвода; и мы говорим: «Ты — еси!» (Символизм. «Эмблематика смысла». 1909 год).

Все, что я подытожил в лирической этой цитате, как резюме, к чему чалил в основах глубинных моей еще ждущей раскрыть себя воли, совершилось мгновенно, но мягко; и я сказал: «То»!

Знаки этого себя — раскрытия — две ярко — солнечно сияющих, теплых, меня увлажняющих капли, — два глаза из тьмы темно-синей; тьма — фон занавешенной синей материей комнаты; из этой сини мне выступил очерк фигуры, входящей медлительно в полное ожидания помещение кельнской ветви 9: то Штейнер; два глаза — один только миг на меня обращенные; и — «ТУТ СЛЕТАЮТ С НАС ВСЕ СНИВШИЕСЯ НАМ СНЫ», и «СЛЫШИМ МУЗЫКУ СОЛНЦА, СТОЯЩЕГО НЫНЕ ПОСЕРЕДИ ...ДУШИ». (Символизм)¹.

Это солнце — свободно раскрытая воля; «ТЫ — ЕСИ» — вот это слетело с души: и к себе самому, и к еще незнакомой мне личности,

¹ Белый: Символизм. Эмблематика смысла.